

Иван Петрович Вороницын

28.01.1885, Нарва, - 25.01.1938 (?)

ЛА МЕТТРИ

К ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Харьков: государственное издательство Украины. 1925

Веб-публикация: *Vive Liberta* и Век Просвещения, 2012

Литература о Ла Меттри

Предшественники Ла Меттри

Жизнь Ла Меттри

Ла Меттри и Фридрих II

Литературная деятельность

Материалистическая философия Ла Меттри

Мораль Ла Меттри

Заключение

Тематически связанные материалы

А.Вульфюс. Основные проблемы эпохи "Просвещения"

Х.Момджян. Французское Просвещение XVIII века: очерки

М.Дынник. Вступит статья к поэме Гельвеция «Счастье»

К.Беркова. Поль Гольбах

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роль Ла Меттри в развитии материалистической и атеистической философии 18-го века до сих пор не выяснена с достаточной полнотой. Поскольку им занимались историки литературы и философии, особенно во второй половине прошлого столетия, они рассматривали его, главным образом, изолированно, вне связи с его предшественниками и последователями. Оттого слишком часто место его в плееде материалистов 18-го века указывалось неправильно, и вследствие этого влияние его философии на рост материалистических и атеистических идей у разных авторов оценивается по разному. Кроме того, некоторые авторы: Ланге ¹⁾, Сури ²⁾, Порицкий ³⁾, относясь с большой симпатией к Ла Меттри материалисту, восстанавливая его „достоинство“, как первого и оригинального материалиста 18-го века, и его „честь“, как человека, несправедливо оклеветанного современниками и историками литературы первой половины 19-го века, весьма отрицательно относятся к его учению о нравственности, называя это учение плоским и низменным. Это установившееся мнение нуждается в пересмотре.

При том большом и вполне основательном интересе к философам-материалистам и к их учениям, который проявился у нас в последние годы, интересе, имеющем не только теоретические, но и в большой мере практические причины, было бы несправедливым обходить Ла Меттри. И выходящее в близком будущем издание сочинений Ла Меттри следует признать вполне своевременным. Некоторым комментарием к этим сочинениям и попыткой заметить основные черты для изучения этого философа является настоящий очерк его жизни и деятельности.

¹⁾ Ф. А. Ланге: „История материализма“, пер. Н. Страхова. СПб, 99 г.

²⁾ J. Soury: „Bréviaire de l'histoire du matérialisme“, Paris, 1881.

³⁾ J. E. Poritsky: „J.-O. de Lamettrie. Sein Leben und seine Werke“ Berlin, 1900.

ЛИТЕРАТУРА О ЛА МЕТТРИ

Литература о Ла Меттри очень не велика. В 18-м веке его считали настолько незначительной величиной, что редко-редко какой из писателей той эпохи считал возможным хотя бы просто сослаться на него. Обычно, если имя его упоминалось, то для того лишь, чтобы посрамить материализм и неверие. Во всех этих суждениях обнаруживается поразительное незнакомство с его сочинениями. Совершенно особое место занимает „Похвальное слово“ короля прусского Фридриха II. Этот венценосный капрал, тщеславившийся своими новыми взглядами в области философии и проводивший в жизнь палочные традиции неограниченной монархии, был единственным из современников, ставшим в защиту Ла Меттри, не столько как философа, сколько как человека. Весьма вероятно, как не раз говорилось, что главным побуждением у короля было своеобразное озорство, стремление скандализировать берлинскую академию, насквозь пропитанную ханжеством и доктринерством, заставив ее выслушать из столь высоких уст хвалебное слово человеку, бывшему—тоже по воле короля—бельмом на глазу этой академии.

Мы еще вернемся к отношениям Фридриха и Ла Меттри, здесь же скажем, что даже высокое заступничество не спасло память Ла Меттри от хулы и поношения. Его имя стало нарицательным и долго оставалось синонимом грубого материалиста, обжоры, пьяницы, развратника, человека без чести и совести.

Новая наука и новая философия предприняли своего рода крестовый поход в защиту оклеветанного философа. Вместо „апологета порока и разрушителя добродетели“, как называл его вождь материализма и атеизма 18-го века Дидро, перед нами во весь рост встает фигура человека нравственно чистого, провозглашавшего истину с опасностью для самой своей жизни, пренебрегшего ради этого

блестящим общественным положением, создавшего себе массу сильных врагов и почти не нашедшего друзей.

Вот главные вехи этого похода. Первенство бесспорно принадлежит Фр.-Альб. Ланге, „История материализма“ которого вышла первым изданием в 1865 году. Почти в то же время во Франции вышло новое издание главного сочинения Ла Меттри „Человек-машина“ с введением Жюль Ассеза, известного издателя Дидро и знатока философии XVIII века. Из сочинений ругательных и критических, выходивших до этого времени, заслуживают упоминания лишь „Мемуары по истории философии XVIII века“. Дамирона, в котором мысли Ла Меттри хотя и критикуются, но менее искажаются, чем в других однородных писаниях.

В 1873 году Нере Кепа посвятил Ла Меттри блестяще написанную книжку „Опыт о Ла Меттри, его жизни и сочинениях“, а два года спустя, в торжественном заседании Прусской академии наук знаменитый ученый Дюбуа Реймон прочел замечательную речь о нем. В 1881 году Жюль Сури в своем „Кратком очерке истории материализма“ посвятил отдельную главу Ла Меттри, ставя себе целью ту же защиту философа и человека в глазах потомства. О Ла Меттри, как о психиатре, говорит А. Пике в небольшой, но ценной статье „О психиатрических воззрениях Ла Меттри“ (Jahrbuch f. Psychiatrie, Wien, 1879). Наконец, в 1900 г. в Берлине вышла обширная монография Порицкого, в которой Ла Меттри изучается не только как человек и философ, но также как врач и медицинский писатель и как полемист. Для полноты перечисления можно назвать еще небольшую статью Брана в приложении к немецкому переводу „Человек-машина“, вышедшему в 1909 г., и статью В. Констанана в „Die Neue Zeit“ за 1909 г. Вот и вся литература о Ла Меттри на иностранных языках. На русском языке, насколько нам известно, кроме короткого биографического очерка, приложенного к переводу „Человек-машина“, вышедшему в 1910 г., до сих пор ничего не появлялось. О Ла Меттри, правда, часто говорил Г. В. Плеханов в своих полемически-философских статьях, но эти высказывания делались им мимоходом.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ЛА МЕТТРИ

Во всех указанных выше сочинениях принимается, что Ла Меттри был первым материалистом периода французского просвещения. Это утверждение нуждается в больших ограничениях.

Ла Меттри выступил с проповедью своих взглядов в конце первой половины 18-го столетия. Его первое значительное философское произведение вышло в свет в 1745 г. („Естественная история души“). Его деятельность заканчивается в 1751 году, когда было издано собрание его философских сочинений. И это пятилетие он, можно сказать, был единственным поборником материализма и атеизма во Франции, потому что, хотя до этого времени в кругах свободомыслящих людей и циркулировали в рукописном виде такие откровенно материалистические и атеистические вещи, как приписываемое Фрере „Письмо Тразибула к Левкиппе“, но до появления „Естественной истории души“ и особенно „Человека-машины“ широкая публика непосредственного посвящения в идеологию левого крыла зарождавшегося просветительного движения не имела. Таким образом, часто применявшееся к Ла Меттри название „застрельщика материализма“ можно применять не только в том смысле, что сочинения его отличались застрельщической смелостью, но и в том смысле, что по времени они были первыми, нашедшими доступ к широким слоям общества.

Но Ла Меттри не был создателем французского материализма и атеизма. Что касается материалистических взглядов, то они в образованных кругах французского общества существовали задолго до выхода на арену этого неистового enfant perdu. Элементы материализма, правильнее в данном случае сказать, натурализма, плавали в воздухе. Они приходили и в виде ожившего интереса к философам древности, и от Гассенди, возобновившего в начале 17-го века учение Эпикура и проложившего наряду с Декартом дорогу механическому объяснению явлений природы. Их питал также скептицизм Монтэня, Ламот ле-Вайе и Бейля. Английская философия—материализм Гоббса и сенсуализм Локка

также посредственно и непосредственно вливали свою струю в этот образующийся поток. А стремительный рост точных наук, ряд открытий в области естествознания, физиологии и т. д. давал силу для концентрации этих идей.

Точно так же и атеизм должно считать порождением более раннего времени. Правда, Ла Меттри был более откровенным атеистом, чем предшествовавшие ему писатели, но все-таки совершенно откровенным атеистом он не был. Он сам называет себя „пирронистом“, то-есть скептиком, а свои атеистические взгляды вкладывает в уста „друга француза“ в „Человек-машина“ или только подводит читателя к прямо атеистическим выводам. С другой стороны, атеизм во французском обществе коренился весьма глубоко и издавна. Недаром Мерсеннь в своих „Вопросах о книге бытия“ говорит, что в Париже 1633 года было 50.000 атеистов¹⁾. Этим преувеличением он только подчеркивает факт наличия широкого отрицательского движения во французском обществе, чрезвычайно усилившегося во вторую половину века и в Великой Революции достигшего своего апогея.

Упомянутое выше „Письмо Тразибула к Левкиппе“ было написано в 1722 году, или во всяком случае в течение первой четверти 18-го века, и хотя напечатано оно было лишь через 17 лет после смерти автора (Николай Фрере родился в 1688 г. и умер в 1749 г.), т.-е. в 1766 году, тем не менее оно задолго до опубликования было известно в списках. Очень вероятно, что Ла Меттри был знаком с этим произведением; некоторые мысли его невольно наводят на мысль об этом. Но даже не останавливаясь на этом предположении, нужно установить, что по времени написания „Письмо“ было первым материалистическим произведением во Франции 18-го столетия.

Мы позволим себе несколько остановиться здесь на этом произведении и на его авторе не столько потому, что видим в нем прямого предшественника Ла Меттри, сколько потому, что в развитии материалистического движения это сочинение сыграло немалую роль.

¹⁾ „Entretiens sur divers sujets d'histoire et de religion“ etc. A Londres, 1770.

Николай Фрере был историком, исследователем древности. Политические условия тогдашней Франции не давали возможности прямо и открыто высказывать крайние взгляды и оттого не все его произведения были опубликованы при его жизни. То обстоятельство, что в его профессиональных, так сказать, сочинениях особой крайности взглядов не встречается, дало повод впоследствии оспаривать принадлежность его перу посмертных произведений. Как и всегда в вопросах литературной принадлежности, если эта принадлежность устанавливается косвенным образом, доля сомнения в данном случае остается. Однако, основываясь на свидетельствах писателей, принадлежавших ко второму поколению французских просветителей (Делиль де Саль, Нэжон и др.), совершенно определенно указывающих на Фрере, как на автора этого сочинения, и на анализе этого сочинения, устанавливающим факт написания его в первой четверти столетия, мы считаем, что никому иному, как Фрере, приписать его нельзя¹⁾.

„Письмо Тразибула“, являясь исходным пунктом, первым звеном материалистического движения во Франции, бросает яркий свет на научно-исторический генезис этого движения. Проследивая влияние предшествующей философии на „Письмо“ и сравнивая выраженные в нем взгляды с теориями позднейших материалистов—Ла Меттри, Дидро, Гольбаха и Гельвеция, мы констатируем, что те влияния, которые определили характер и направление „Письма“, в общем и целом были также преобладающими у них. В числе этих влияний на первом месте стоит материализм древ-

¹⁾ Совершенно неосновательно это письмо приписывалось Дидро. Компетентный издатель сочинений вождя энциклопедистов Ж. Ассеза решительно отвергает это предположение—см. „Oeuvres completes de Diderot“, P., 1875, t. IV, p. 118. Лерминье, один из немногих исследователей 18-го века, остановивших свое внимание на Фрере, говорит: „Я не знаю, почему выражали сомнения в том, что „Критический анализ апологетов христианства“ и „Письмо Тразибула к Левкиппе“ принадлежат этому ученому. Эти два произведения... обнаружили те общие взгляды, которые поддерживали его дух среди его бесконечных трудов... Питаемый наукою разум Фрере служил опорой инстинктивным дерзновениям века.“ („De l'influence de la philosophie du XVIII siecle sur la législation et la socialibiité du XIX“. Paris, 1833, pp. 114—115).

ности; английский же материализм и сенсуализм оказывали влияние вторичное и для характера и направления движения не существенное. „Письмо“ содержит уже в себе в более или менее развитом виде основы французского материализма. Поэтому, когда мы у некоторых писателей (Ланге, Порицкий) встречаем утверждения, что мораль Гельвеция и Гольбаха содержится уже в „Рассуждении о счастье“ („Анти-Сенека“) Ла Меттри или что центральное материалистическое произведение эпохи „Система природы“ только развивает дальше взгляды автора „Человек-машина“, мы имеем все основания сказать, что и мораль, и общие философские взгляды Ла Меттри, Гольбаха и др. в сущности продолжают и развивают материализм Фрере.

Больше того. Если относительно Ла Меттри нельзя с полной категоричностью говорить, что он делал заимствования из „Письма Тразибула“ или находился под прямым его влиянием, то это можно сказать относительно „Системы природы“. Один из предполагаемых сотрудников барона Гольбаха, автора „Системы“, и человек, вообще стоявший очень близко к Гольбаху и Дидро, Нэжон отмечает тесную связь между обоими произведениями.¹⁾ Противник материализма Делиль де Саль говорит: „Все, что патриарх атеистов (Фрере) пишет о врожденных идеях, о действии и противодействии частей великого целого, о том, как человек создал своего бога, об изменении вещей, которое делает их попеременно причинами и действиями, о богословских выдумках насчет верховного существа; вся эта цепь, говоря я, софизмов и паралогизмов скопирована из „Письма Тразибула“.“²⁾ Такой же взгляд высказан Дамироном в его мемуаре о Гольбахе.³⁾ Все это побуждает нас сказать, что не Ла Меттри, прямое влияние которого вообще в истории 18-го века незаметно, а Фрере был первым материалистом этого периода.

¹⁾ „Encyclopedie methodique. Philosophie ancienne et moderne“, т. II. Paris, 1792, p. 482.

²⁾ „De la philosophie de la nature“, 1777, т. V, p. 324—327.

³⁾ Damiron: „Memoires pour servir à l'histoire de la philosophie au XVIII siecle“ Paris, 1858, т. I, p. 106.

И еще одно имя должно быть поставлено перед Ла Меттри. Это—де Малье. Хотя Порицкий в своей книге и указывает на этот факт, но должного значения он ему не придает и всюду склонен выставлять Ла Меттри, как первого эволюциониста 18-го столетия. Кроме того, Порицкий, говоря о Малье, следует Геттнеру, немецкому историку французской литературы, суждения которого во многих отношениях неправильны.

Хотя Бенуа де Малье и не был философом в точном смысле этого слова, а был скорее естествоиспытателем, но в основе его воззрений и гипотез лежали чисто материалистические положения. Его главное произведение „Теллиамед, или беседы индийского философа с французским миссионером об уменьшении моря“ было напечатано, правда, только в 1748 году, но написано оно было еще в 30-х годах, так как Малье умер в 1738 году.

Ла Меттри не был последователем де Малье, и хотя он ссылаясь на автора „Теллиамеда“ (Теллиамед—прочитанная наоборот фамилия автора—de Maillet), но разделяет его теорию лишь постольку, поскольку она совпадает с учением Лукреция. Между тем теория Малье является связующим звеном между эволюционными теориями древности и новым эволюционизмом, нашедшим свое выражение в трудах Дарвина и Уоллеса. В отличие от Ла Меттри Малье не стоит всецело на почве теорий Эмпедокла, Лукреция и Аристотеля (чтобы назвать лишь главные этапы Эволюционизма), но он делает значительный шаг вперед. По его мнению, высшие формы организмов развиваются из низших. Этот „трансформизм“ еще далеко не развит и примитивен, но все же он не так примитивен, как это, вслед за Геттнером, изображает Порицкий. Изменения видов по Малье совершаются не на одном каком-нибудь индивидууме, а на многих и непрерывно, причем главными факторами изменения являются внешние воздействия. Правда, специально этого вопроса Малье не разбирает,—он не стоял в порядке дня тогда,—но поскольку он высказывается, он склоняется к теории естественного отбора. Характерны его фразы вроде следующей: „Между варварскими и цивилизованными расами существует громадная разница. Нужно было бы много

поколений, быть может даже изменение климата, чтобы довести эти варварские расы до той степени совершенства, какой достигла наша". Затем, говоря об оранг-утангах, бывших тогда новинкой, Малье высказывает, между прочим, следующую мысль: „Если бы взяли самцов и самок этих оранг-утангов и они родили бы среди нас своих детенышей, то неужели вы думаете, что было бы невозможно довести их через несколько поколений до настоящего языка, до формы более совершенной, чем прежняя?“¹⁾ Мысль Малье здесь ясна: это — „если и не люди, то во всяком случае не только животные“, это одна из переходных ступеней развития в эволюции к человеку. Таких фраз в „Теллиамеде“ можно найти много. Но даже если допустить, что наряду с этим взглядом у Малье существовал и другой, а именно, что изменения совершаются на отдельных индивидуумах, передающих затем свои приобретенные свойства потомству, то и тут далеко еще до совершенной примитивности. Это была бы только зачаточная мутационная теория, созданная де Фризом, но предвиденная Дарвином.

Эта сторона взглядов Малье выходит далеко за кругозор восемнадцатого столетия, и здесь в этой области Ла Меттри, отличавшийся сходными взглядами, такой высоты не достигал.

Таким образом, Ла Меттри не может быть назван ни первым философом материалистом, ни первым эволюционистом восемнадцатого века. Но этим несколько не умаляется его значение и роль. Он был, как мы сказали, единственным из философов крайнего направления первой половины века, чьи воззрения, популярно и с убежденностью изложенные, нашли доступ к широким слоям общества и сильно содействовали созданию тех настроений, которые образовали позднее сочувственную атмосферу вокруг материалистического и атеистического движения. Он, кроме всего прочего, был интересным человеком и оригинальным мыслителем, заслуживающим нашего внимания во многих отношениях. К знакомству с его жизнью и деятельностью и к изучению его взглядов мы теперь переходим.

¹⁾ „Telliamed, ou Entretiens d'un Philosophe indien“. A la Haye, 1755, t. II, p. 203.

ЖИЗНЬ ЛА МЕТТРИ

Жюльен Оффрэй де Ла Меттри родился 25 декабря 1709 года в небольшом городке Сен-Мало на берегу Ла Манша. По происхождению своему он принадлежал к тому третьему сословию, истинным выразителем революционных стремлений которого ему суждено было стать, но которое никогда не дошло до полного понимания всего могучего влияния, оказанного этим замечательным человеком на рост и развитие предреволюционного общественного движения, так называемого просветительного движения. Отец его был зажиточным купцом. Как и всякий отец купеческой среды того времени, он страстно желал, чтобы сын его поднялся хотя бы на одну ступеньку выше по общественной лестнице, а не оставался в рядах общественной группы, угнетенное состояние которой им несомненно болезненно ощущалось. Он не скупился на издержки, связанные с образованием мальчика, образованием, кстати сказать, стоившим тогда очень дорого и доступным только привилегированным классам или людям очень богатым. Первоначально отец предназначал его к духовной карьере. Духовенство, вернее, высшая каста духовенства, играло в то время исключительную роль по своему весу и влиянию. Не отпущение грехов, не спасение души собственной и сына, не духовные блага, одним словом, интересовали, понятно, старшего Ла Меттри, а именно положение в обществе. Образованный священник, аббат, лишь бы он обладал умом и способностями к светскому обхождению, легко мог возвыситься до почестей и богатства. „Святая жизнь“ от этих людей не требовалась, она даже вредила успеху. Наоборот, успех достигался полным отрицанием всего, что сколько-нибудь напоминало аскетизм и набожность.

И Ла Меттри, будущий поборник свободы совести, заклятый враг „этих скоморохов и паяцов, которых почитает народ“ („Послание к духу моему“), должен был приступить к изучению богословия, столь ненавидимого им впоследствии. Сначала он учился в коллеже маленького городка Кутане, обнаружив здесь незаурядные способности. Затем отец, польщенный успехами мальчика, посылает его

в город Канн к янсенистам, которые славились, как преподаватели. Здесь он проходит курс реторики, получает награды и обнаруживает исключительный вкус к изящной литературе и незаурядный дар красноречия. Из Канна он переезжает в Париж и там в Collège du Plessis проходит курс логики, который преподавал в то время ревностный янсенист аббат Кордье. Влияние янсенистов на юного Ла Меттри оказалось настолько сильным, что, казалось, он уже не выйдет из цепких рук этих „ловцов человеков“ и достойных соперников иезуитов. Ему было 15 лет всего, когда он написал сочинение в защиту янсенистов, которое, как говорит единственный достоверный биограф Ла Меттри Фридрих II, очень ценилось в рядах этой партии¹⁾.

Однако уже в следующем—1725 году Ла Меттри вырывается из объятий богословов. Его любознательность не удовлетворилась, несомненно, той показной учёностью, которую они могли ему дать. Этот год, повидимому, был переломным для него. Он изучает физику в Collège d'Harcourt (одно из самых старых учебных заведений Франции) и подумывает о занятии медициной. В этом намерении поддерживает его популярный в Сен-Мало врач Юно. Быть может, влиянию Юно и следует приписать этот переворот в жизни будущего философа. Юно выступает посредником между ним и его отцом и без труда убеждает последнего, что „практика врача приносит больше дохода, чем отпущение грехов“, как говорит Фридрих. Пример самого Юно был во всяком случае достаточно убедительным.

Ла Меттри прилежно и со свойственным ему увлечением отдаётся занятиям медициной и в 1728 году получает в Реймсе докторскую степень. Впоследствии, в разгар ожесточенной травли, поднятой на него врачами, ненавидевшими его за беспощадную и едкую критику их рутин и шарлатанства, раздавались голоса, что свою докторскую степень он просто-напросто купил. В своем „Послании m-ле А. С. Р., или в прах повергнутая машина“ он со свойственной ему иронией, рассказывая о судьбе г-на Машины,

¹⁾ Существование такого сочинения Ла Меттри некоторыми биографами его (Кепа, Ассеза и др.) оспаривалось. Порицкий, однако, полагает, что в данном случае Фридрих II более компетентен.

т.-е. своей собственной, говорит: „Он хвалится, что деньги, оставшиеся у него после развратных оргий, он употребил на то, чтобы сделаться доктором. И единственный ложный шаг его, который мне не нравится, это то, что он тревожит прах того педанта, который дал ему докторское звание, ибо этим он в одно и то же время вредит репутации своего благодетеля и нарушает его доверие“¹⁾. И Ла Меттри имел, конечно, все основания пронизировать таким образом, потому что вся его медицинская как литературная, так и практическая деятельность доказывает, что к своей врачебной профессии он относился с исключительной серьезностью.

Ближайшие пять лет после получения степени он практикует в родном городе, под руководством своего друга Юно.

Французская медицинская наука того времени сильно отставала от английской, нидерландской и немецкой. В ней целиком господствовали еще рутинные взгляды начала и середины 17-го столетия, и вполне понятно, что врач, серьезно и с интересом относившийся к своему делу, не мог удовлетвориться теми скудными и в практической деятельности непригодными знаниями, которыми он поневоле был ограничен. А Ла Меттри именно таким врачом был, он чувствовал в себе призвание и не хотел погрязнуть в шаблонном прописывании рецептов. В 1733 году он принял решение продолжать свое медицинское образование и отправился в Лейден, где жил в то время европейски знаменитый Бургав (Бюргав).

Этот переезд в Лейден и является, собственно говоря, поворотным пунктом в жизни нашего философа. В Сен-Мало он оставался бы тем, чем были все провинциальные и парижские врачи того времени—мирным обывателем, может быть, потихоньку неверующим, но усердно посещающим мессу, чтобы не отпугнуть от себя богатых пациентов, не следящим за научными достижениями, постепенно забывающим и то, чему он научился, врачом-эмпириком, одним словом, как он презрительно говорит где-то сам о лекарствах подобного сорта.

¹⁾ Здесь и в дальнейшем мы цитируем по трехтомному изданию „Oeuvres philosophiques de Mr. de la Mettrie. Nouv. édition“, à Berlin, 1775.

точно соответствовали болезненным процессам, совершающимся в теле. Сам Ла Меттри, насколько нам удалось проследить, нигде в своих сочинениях прямо не рассказывает о том, что именно благодаря этим наблюдениям он пришел к своим решительным взглядам. Конечно, Ла Меттри пришел к своему материализму до этой болезни. Если бы ему нужно было делать подобные наблюдения, он мог бы делать их иным образом в течение своей медицинской практики. Самонаблюдение могло лишь подтвердить такую, само собой разумеющуюся для образованного врача, и к тому же врача прошедшего школу Бургава, вещь. Если даже он сам рассказывал о подобном происхождении своей книги, то говорилось это им, конечно, для профанов для людей, которых ему хотелось убедить наиболее понятным способом в проповедуемых им, элементарных для него самого, истинах¹⁾.

Книга Ла Меттри вышла в свет в 1745 году. К этому времени была уже им написана сатира „Об уме и умниках“, в которой он беспощадно насмеялся над многими из своих современников, рисуя их портреты и обличая недостатки их литературных дарований. В 1744 г. им была выпущена анонимно сатира чисто медицинская, направленная против критиковавшего его врача Астриюка, в которой досталось в вообщем врачам. Но анонимность не помогла ему. С этого момента в жизни Ла Меттри начинается полоса тех гонений, которые привели его под защитное крылышко Фридриха II прусского.

„Полковой священник ударил в набат“, рассказывают за Фридрихом II биографы Ла Меттри. Такому врачу-безбожнику нельзя позволить лечить французских гвардейцев! И Ла Меттри был вынужден оставить свое место. Конечно, голоса одного полкового священника было мало. Ла Меттри благодаря своей жизнерадостности, веселому характеру, любви к удовольствию (он в 1745 году написал, ведь, книгу о сладострастии), слишком хорошо подходил к гвардей-

¹⁾ Таким же будто бы путем пришел к своим материалистическим взглядам и Панкраций Вольф, о котором пишет Ланге (см. „История материализма“, перевод Страхова, т. I, стр. 296). Мы полагаем, что эти рассказы исторической вероятности не имеют.

ской среде, чтобы на основании этих только воплей священника его сместили с должности. Шум, поднятый им, распространился гораздо шире. Против него было не только благочестивое духовенство, но и сильная корпорация врачей.

Ла Меттри, впрочем, протестовал против слухов, что его прогнали. Он утверждал, что по собственному почину покинул это место. И нет никаких оснований не доверять его заявлению. Утверждение же Фридриха II, прекрасно знавшего все обстоятельства жизни своего придворного чтеца, можно толковать в том смысле, что травля, поднятая духовенством и врачами, побудила Ла Меттри искать себе более спокойное и менее на виду место.

Он становится врачом-инспектором военных лазаретов в Лилле, Генте, Брюсселе, Антверпене и Вормсе. Этим назначением ясно доказывается, как высоко ценились, несмотря ни на что, его знания и ученость. Правда, Вольтер впоследствии утверждал, что Ла Меттри „был самым неудачным врачом на земле, но, благодарение богу, он не занимался практикой“. Однако, мы знаем, что практикой он занимался, имел от нее немалый доход, причем гонорар его доходил до таких даже сумм, как 800 ливров, которые он получил в Генте от одного благодарного пациента. Вольтер, впрочем, имел немалый зуб против нашего философа, а известно, что мстить он умел и любил.

Недолго занимал он это блестящее положение. Он не мог по натуре своей не отражать сынавшихся на него со стороны его ученых собратьев ударов, и не только отражал их, но с характерной для него язвительностью сам переходил в наступление. Под псевдонимом доктора Фу-Хо-Хом он пишет сатиру „Политика врача Макиавеля, или дорога к богатству, открытая врачам“. Затем следует комедия „Отомщенный факультет“ и, наконец, „Работа Пенелопы, или Макиавель в медицине“. В этих произведениях личные нападки были перемешаны с критикой медицины, и вполне понятно, что ярость всего медицинского мира дошла до крайних пределов. Шарлатанство и невежество не могли притти в себя от нанесенных ударов, и естественным выходом для их бессильной ярости было обратиться к содей-

ствию всегда готового к услугам авторитета власти. Постановлением парламента 9-го июля 1746 года сочинения Ла Меттри были приговорены к сожжению рукою палача. За два дня до этого та же участь постигла „Философские мысли“ Дидро. Говорили (Вольтер), что врагам Ла Меттри удалось получить даже приказ о его аресте. Арест в всяком случае угрожал ему. По совету друзей он бежал в Гент, где, весьма неудачно, пытался укрыться. Из Гента его изгнали как шпиона. Сам Ла Меттри, однако, протестует против таких слухов и говорит: „Я даже не был изгнан. Я эмигрировал, когда увидел, что подвергаюсь опасности ареста“. Ла Меттри нашел себе убежище в Лейдене, пользуясь материальной поддержкой со стороны одного из своих друзей.

В 1746 году, уже будучи изгнанником, Ла Меттри женился на некоей м-ле Дреано. История не сохранила никаких подробностей о его семейной жизни. По некоторым данным можно заключить, что она счастливой не была. Но уж из одного того, что враги Ла Меттри, — а их у него было очень много и среди них были люди, не брезговавшие даже клеветой, — не распространяются насчет его семейной жизни, позволительно заключить, что в этой жизни ничего зазорного для него не было. Вольтер один только назначил этой „особе“ пенсию, и нам ясно бросается в глаза несоответствие между презрительным названием „дева там ни было, Ла Меттри вновь очутился в положении преследуемого. Духовенство всех культов и „прочие друзья прогресса“, забыв свои вечные споры и взаимную ненависть, поклялись уничтожить ненавистного и неугомонного безбожника. В туманную ночь, как рассказывает Фридрих, должен был Ла Меттри спасать не только свою свободу, но и самую жизнь, принимая крайние предосторожности, чтобы враги не могли напасть на его след. У него не было ни денег, ни пищи. Один дружественно расположенный к нему Лей-

В 1749 г.) Но совершенно неверно утверждение Вольтера в письме к герцогу Ришелье, написанном после смерти Ла Меттри, что он оставил в Париже умирающих с голоду детей. Кажется бы, в гостеприимной Голландии, где издавна печатались книги, сжигаемые потом во Франции рукою палача, наш изгнанник мог отдохнуть и свободно отдаться литературной работе. Но в конце 1747 года он выпускает книгу издателя Эли Люзака младшего свое знаменитое сочинение „Человек-машина“. Наученный горьким опытом Ла Меттри прячет свое авторство под псевдонимом Шарпа, англичанина, будто бы написавшего это сочинение, и какого-то покойного члена академии, будто бы его переведшего на французский язык. Однако не помогли ни псевдоним, ни другие уловки вроде предисловия к книге и никаких подробностей о его семейной жизни. По некоторым вероятным автором написанного „предупреждения изданного можно заключить, что она счастливой не была. Но дателя“, в котором говорится, что работа эта была прислана из Берлина с просьбой выслать шесть экземпляров маркизу д'Аржансу, причем тут же выражается сомнение в действительности этого адреса. Может быть, друзья раструбили, кто скрывается под маской англичанина, а может быть и в самом деле во Франции было много откровенных материалистов и атеистов, чтобы Фридрих II после смерти Ла Меттри не трудно было догадаться, что автором этой зажигательной книги был уже известный автор „Истории души“. Как бы там ни было, Ла Меттри вновь очутился в положении преследуемого. Духовенство всех культов и „прочие друзья прогресса“, забыв свои вечные споры и взаимную ненависть, поклялись уничтожить ненавистного и неугомонного безбожника. В туманную ночь, как рассказывает Фридрих, должен был Ла Меттри спасать не только свою свободу, но и самую жизнь, принимая крайние предосторожности, чтобы враги не могли напасть на его след. У него не было ни денег, ни пищи. Один дружественно расположенный к нему Лей-

ручное письмо к сестре, сохранившееся в музее Сен-Мало и написанное по случаю смерти этого двухлетнего сына

¹⁾ Это письмо опубликовал впервые Ассеза в своем предисловии к изданию „Человек-машина“, выпущенному в Париже в 1865 г. Оно приведено также у Soury: „Breviaire de l'histoire du materialisme“.

денский книготорговец помог ему скрыться от преследующих его фанатиков. Не только друзья, приятели по пирушкам и развлечениям покинули гонимого, но и собственная семья его, как с горечью пишет он где-то, отеклась от него.

ЛА МЕТТРИ И ФРИДРИХ II

Прибежище от гонений, „тихую гавань“, как он сам говорит, Ла Меттри нашел при дворе Фридриха II.

Как бы мы ни оценивали Фридриха, как государственного человека, необходимо отдать ему должное в одном: его „просвещенность“, столь выгодно отличавшая его от других монархов того времени, позволяла временами ему чувствовать себя не только „помазанником“, но и человеком, прикосновенным к просветительному движению. Таким именно этот „король-философ“, „философ из Сан-Суси“ проявил себя в деле Ла Меттри. „Репутации философа и несчастливца было достаточно, чтобы доставить г. Ла Меттри убежище в Пруссии“, — говорит король в своем „Eloge“ („Похвальное слово“), написанном им после смерти Ла Меттри и прочитанном в публичном заседании Берлинской Академии Наук.

Интерес к Ла Меттри у него возник несомненно задолго до последнего приключения Ла Меттри с „Человек-машиной“. Посредником между этими двумя людьми выступил президент Берлинской Академии Наук, земляк и друг Ла Меттри, Мопертюи, известный в то время математик и философ, но и без вмешательства Мопертюи сочинения нашего философа сами рекомендовали его перед венценосным вольнодумцем. Он читал их с удовольствием и, кроме того, как рассказывает Вольтер, по его же собственным словам, охотно готов был приобрести еще одного философа. В письме к Мопертюи Фридрих пишет: „Я очень хотел бы иметь у себя этого Ла Меттри, о котором вы мне рассказывали; он — жертва духовенства и глупцов, а здесь он может писать свободно. Я испытываю сочувствие к преследуемым философам. Если бы я не родился государем, меня преследовали бы тоже. Правда, Ла Меттри не философ, но он обладает умом, а этот ум лучше философии. Напишите же ему и предложите такие условия, которые были бы подходящими и для него

и для меня“. В другом письме, уже получив от Мопертюи сообщение, что Ла Меттри „глубоко благодарен за оказанную ему его величеством честь“, король, говоря о склонности к ханжеству своей академии наук, пишет: „В наше время это совершенно необычайная вещь, чтобы академия наук была христианской и, что еще хуже, богомольной. Ла Меттри прибудет очень кстати: я хочу назначить его вашим проповедником. Пустых идей он вам не даст, но он исцелит вас от ваших устарелых предрассудков. Если он не сделает вас недовольными, то он сделает вас смешными. Я попрошу его изощрить над вами свое остроумие. Его язвительность произведет больше обращений, чем его логика“.

8-го февраля в Берлинской „Привилегированной газете“ появилось следующее сообщение: „Вчера прибыл сюда знаменитый доктор; де Ла Меттри, которого его величество пригласил сюда из Голландии“¹⁾.

Свое намерение сделать Ла Меттри „проповедником“ своей христианской академии Фридрих привел в исполнение уже в начале июля 1748 года. Какую роль в действительности играл Ла Меттри, сделавшись членом этой ученой коллегии, пропитанной насквозь лейбницианством и остро враждебной французскому скептицизму и вольнодумству, мы не знаем. Но король своим „приобретением“ несомненно был доволен. Те общественные достоинства Ла Меттри, которые мы уже отметили, особенно проявились у него в качестве личного чтеца и приближенного человека этого „нового Юлиана“. В октябре 1748 года, т.-е. уже в течение нескольких месяцев имея его в своей непосредственной близости, король пишет Мопертюи: „Я не могу нарадоваться приобретению Ла Меттри. Большей веселостью и большим умом, чем у него, нельзя обладать. Он враг врачей и хороший врач сам. Он материалист, но вовсе не материалистичен. Правда, иногда он пересаливает скандально, но мы здесь разбавляем его эпикурейское вино пифагорейской водицей“. Мопертюи, в свою очередь, пишет Фридриху: „Я не сомневаюсь, что Ла Меттри удовлетворит ваше величество, если вы сумеете

¹⁾ Кена ошибочно сообщает, что Ла Меттри прибыл в Берлин в октябре 1748 г. Ту же ошибку делает и Бран, причем, по его мнению, Ла Меттри приехал в 1746 г.

затормозить это непочтительное воображение, которое до сих пор заставляло его переходить далеко за границы приличия и честной свободы“.

Вот с этими „границами приличия и честной свободы“ у Ла Меттри, несмотря на всю „пифагорейскую водицу“ короля и его приближенных, дело никак не могло наладиться. Он очень скоро потерял ту почтительность, которую был обязан своему августейшему покровителю. Не только придворный этикет, но и простая вежливость попирались им, как рассказывают, самым бесцеремонным образом. Он непринужденно в присутствии короля разваливается на софе, растегивает свой камзол и даже снимает воротник и парик. И в писаниях своих он никак не мог уговориться, чем искренно огорчал уравновешенного и шепетильного Мопертюи. Уже после смерти Ла Меттри Мопертюи писал: „С огорчением видел я, как со дня на день растет, распушенность его пера. Я знал его писательскую страсть и опасался ее последствий. Я уговаривал его ограничиться переводами, считая его более способным к этому, чем к другим работам, и надеясь таким путем обуздать его опасное воображение... Свои книги он писал непреднамеренно, не заботясь об их судьбе, и иногда не зная даже, что они содержат. Он писал против всех... он оправдывал самые отвратительные нравы, обладая лично в то же время всеми общественными добродетелями. Наконец, он обманывал публику способом, совершенно не похожим на тот, которым обычно ее обманывают. Я знаю, сколь мало вероятным может показаться все, что я говорю здесь, однако, все это истинная правда. У нас тут уже все настолько убедились в этом, что, когда он умер, его любили все, кто его знал“.

Редко случается, чтобы в жизни человека, попадающего в историю, — и даже в историю философии, — не было обнаружено какого-нибудь пятна. В жизни Ла Меттри люди враждебно к нему относившиеся находили много пятен. Однако, впоследствии внимательное изучение его жизни и сочинений позволило очистить память его от всех клеветнических выдумок врагов. К этому вопросу мы вернемся ниже, здесь же, поскольку мы описываем его отношения с Фридрихом II, остановимся на одном только обвинении, именно на обвинении в куртизанстве.

Был-ли Ла Меттри куртизаном в обычном смысле этого слова, то-есть низкопоклонным льстецом, чуть-ли не шутлом Фридриха? Дидро, в сочинениях которого без труда можно проследить влияние идей Ла Меттри, высказывается очень утвердительно в этом смысле. „Ла Меттри, — говорит он, — распушенный, бесстыдный шут, льстец, был создан для придворной жизни и милостей сильных мира сего“¹⁾. Самый яркий защитник Ла Меттри, как личности, Ланге в своей „Истории материализма“ только упоминает, что „его отношение к Фридриху Великому рассматривалось как нечто особенно противное“, но не пытается и в этом отношении восстановить честное имя философа, как он делает это в других. Мы здесь должны указать, что, конечно, Ла Меттри не был тут свободен от всякого упрека. Достаточно прочесть „Вступительное слово“ к его сочинениям, „Рассуждение о счастье“ и т. д., и мы увидим много страниц весьма неумеренной лести. Но усмотреть в этом что-либо „отвратительное“ нельзя. Фридрих не был для него „обожжаемым“ монархом. Вернее всего, он даже не был для него вообще монархом. Он был скорее другом, пришедшим на помощь в годину бедствий и обеспечившим для него те условия жизни, которые он считал, — и пожалуй, принимая во внимание нравы века, основательно считал, — самыми подходящими для свободного занятия писательской деятельностью не только для себя лично, но и для всякого преследуемого философа. Неумеренная благодарность, пожалуй, может быть обнаружена в его сочинениях, но отнюдь не рабское преклонение перед королевским авторитетом. И с другой стороны, если Ла Меттри льстил Фридриху, то и Фридрих льстил Ла Меттри, не только после смерти его в „Похвальном слове“, но и при жизни в своей переписке. Потакал-ли Ла Меттри каким-либо „монархическим“ капризам, поощрял-ли он его деспотизм, в чем низком, наконец, выражалось его шутство? Об этом ничего не известно. Мы думаем, что резкое осуждение Дидро, между прочим, тоже извлекавшим выгоды из монаршего покровительства Екатерины II, нужно отнести к раздражительности его, к

1) „Oeuvres complètes“, t. III, p. 218.

податливости господствовавшему относительно Ла Меттри мнению, к моде, существовавшей даже в радикальных философских кругах, лягать Ла Меттри за те грехи против господствующих нравственных понятий, за то неуважение к светским и духовным авторитетам, за ту борьбу с религиозными и философскими предрассудками, в которых они порою были повинны не менее его.

В Берлине и Потсдаме Ла Меттри пользовался всеми благами жизни. Но он не почил на лаврах. Ведя рассеянную светскую жизнь, исполняя свои придворные обязанности, он в то же время не оставляет своей медицинской практики и славится как хороший врач. Литературную свою деятельность он продолжает с тем же жаром.

Дюбуа Реймон в своей лекции, посвященной Ла Меттри и значению его естественно-научных идей, говорит: „Его нравственному облику совершенно соответствует то, что он так же не чувствовал себя опьяненным этим счастьем, как перед тем в дни несчастья не поддавался унынию. Он неуклонно, без усталости продолжает свою медицинскую и философскую полемику. Вращаясь в обществе, он со свойственной ему бурной веселостью, с метким остроумием и яркой силой выражения высказывает свои убеждения и благодаря этому приобретает себе тем больше врагов, чем меньше прощалось ему столь быстро завоеванное расположение короля“.

В числе этих врагов в первую очередь нужно упомянуть Вольтера, не поладившего с Фридрихом и считавшего острый язычок Ла Меттри повинным в неблаговолении к нему короля. Он не упускает случая за спиной чернить Ла Меттри, отзывается о нем в своей переписке почти всегда ядовито-пренебрежительно, хотя, в чем сказывается противоречивость его характера, исполненного и хороших и дурных качеств, не отказывается помочь Ла Меттри, когда им овладевает страстное стремление подышать воздухом родины.

Надо сказать, что среди удовольствий и развлечений придворной жизни, несмотря на полное материальное благополучие и прочие, связанные с приближенностью к королю, блага, которые сам он столь красноречиво восхваляет, в

нем проснулась тоска по родине. Она преодолела его не знавшую ничего святого иронию, и в своем вечном зубокальстве и беспощадном анализе он уже не смог найти противоядия против этого человеческого чувства.

Незадолго до смерти Ла Меттри Вольтер писал своей племяннице m-lle Дени: „Ла Меттри сгорает желанием возвратиться во Францию. Этот веселый человек, насмехающийся над всем, часто, как маленький ребенок, оплакивает свое пребывание здесь; он часто просит меня добиться его помилования через герцога Ришелье. И действительно, нельзя судить по одной только внешности. В своих предисловиях ¹⁾ Ла Меттри восхвалял крайнее свое блаженство пребывания возле великого короля, который читал ему иногда свои стихи, а втайне он вместе со мной плакал и хотел бы вернуться даже пешком“.

Переписка Вольтера с Ришелье по поводу возвращения Ла Меттри затянулась. Судя по тому, что так долго ²⁾ нельзя было добиться благоприятного ответа, к возвращению философа на родину встретились непреодолимые препятствия. Да иного и трудно было ожидать. Смерть Ла Меттри прервала эти переговоры.

Говорят, что смерть Ла Меттри повредила ему в памяти потомства больше, чем жизнь. По нашему мнению, это говорилось лишь ради красного словца. Злоба против него и ненависть раздула обстоятельства его смерти. Враги воспользовались ею, чтобы нанести последний удар ему. И помимо личной вражды к Ла Меттри, в нем видели представителя ужасного и разрушительного учения, с которым бороться по духу времени было трудно и в борьбе против которого все средства были позволительны. Отчего же было не воспользоваться смертью безбожника, расцветив ее красками приятными для тщеславия верующих ханжей, чтобы в ней найти оружие против неверия со всеми неизбежно сопутствующими ему, по убеждению христиан, пороками?

¹⁾ Речь идет о „Вступительном слове“ к собранию сочинений Ла Меттри, посвященном Фридриху II.

²⁾ Первое письмо Вольтера к Ришелье о разрешении Ла Меттри приехать во Францию датировано августом 1750 г.

Смерть Ла Меттри произошла при следующих обстоятельствах. Французский посланник лорд Тирконель устроил 8-го ноября званый обед в честь своего выздоровления от болезни, от которой излечил его Ла Меттри. Ла Меттри, находившийся в то время вместе с королем в Потсдаме, получил приглашение приехать на празднество в Берлин и, несмотря на уговаривания короля, принял приглашение. С обычным увлечением воздал он честь прекрасному обеду, пил много вина, веселился вместе с другими гостями. Воздал он должное и присланному откуда-то издалека паштету с трюфелями и чуть-ли не съел его весь. После обеда он стал играть партию в бильярд, но закончить ее не мог, так как внезапно почувствовал себя дурно. Это его заболевание обычно приписывается паштету, причем самый этот паштет описывается весьма подробно и разно. Дю буа Реймон высказывает предположение, что паштет был испорчен и в нем мог развиться яд. Эти детали, однако, совершенно не интересны. Умер-ли Ла Меттри от яда, находившегося в паштете, или просто от обжорства, как говорят некоторые, мы установить не можем. Говорят также, что он, попросту, уморил себя сам, предписав себе в течение трех дней восемь кровопусканий, сопровождавшихся горячими ваннами и желая из упрямства на собственном примере убедить немецких врачей, что подобное лечение вполне целесообразно при расстройстве желудка. А еще некоторые допускают мысль, что он погиб от неумения и незнания лечивших его врачей. Как бы там ни было, но 11-го ноября 1751 г. он умер.

Если для нас не интересно отчего умер Ла Меттри, то вопрос о том, как он умер, представляет, несомненно, большой интерес. Была-ли смерть его достойным завершением его эпикурейской жизни? Умер-ли он так, как предсказывал сам, говоря:

„Через столько испытаний бестрепетно прошел я, что имею все основания думать, что и умру также, как подобает философу“, или в другом месте: „Трепетать при приближении смерти—значит походить на детей, боящихся привидений. Бледный призрак в любой момент может постучаться в мою дверь, я не испугаюсь. Только философ бывает храбрым там, где большинство храбрецов теряет свое мужество“.

Слухи о том, что этот атеист на смертном одре примирился с богом, распространились в самый день его смерти. Вот как говорит об этом Вольтер: „Говорят, что он перед смертью исповедывался. Король был возмущен, он потребовал самой точной информации и ему сообщили, что это жестокая клевета и что Ла Меттри умер так, как жил отрицая бога и врачей“. Все достоверные свидетельства в этом пункте сходятся. „Он отпускал шуточки о религии и кровопусканиях, которые, по его просьбе, делал ему его врач Либеркун, и умер в полном согласии со своими взглядами, с философским спокойствием, сожалел об этой жизни, но не боясь никакой другой“¹⁾.

Защитники религии, однако, пытаясь воспользоваться его болезненным состоянием, не могли удержаться от атак на его истомленный болезнью ум, надеясь получить от него в минуту слабости отречение от убеждений. Какой-то ирландский священник Мак-Магон три дня неусыпно дежурил у его двери, выжидая момента слабости. Наконец, на третий день из уст умирающего он слышит возглас, исторгнутый болью: „Господи Иисусе! Дева Мария!“ Обрадованный поп подскочил к постели: „Наконец, вы снова ищите прибежища в этих святых именах!“—„Э, отче,—ответил умирающий,—это просто способ выражения“. Мопертюи тоже сделал попытку обратиться своего друга на путь истины. „А что сказали бы обо мне, если бы я выздоровел?“— коротко ответил Ла Меттри на его уговаривания.

Ла Меттри просил, чтобы его похоронили в саду французского посольства. Однако, это желание исполнено не было. „Хотел он этого или нет, но тело его было погребено в католической церкви,—говорит Вольтер, и к этому прибавляет: „Каково должно бы быть его удивление, если бы он мог увидеть, куда он попал“.

Переходя к беглому по необходимости обзору литературной деятельности Ла Меттри, мы позволим себе, заканчивая собственно биографию писателя, привести здесь прекрасные слова Фридриха, которыми он заканчивает свое „Похвальное слово“:

¹⁾ Маркиз д'Аржане: „Ocellus Lucanus“ (по Порицкому).

„Природа создала Ла Меттри оратором и философом. Но он обязан ей еще более драгоценным даром—чистым сердцем и отзывчивой душой. Тот, кто не позволяет благочестивым нападкам богословов ввести себя в заблуждение, в утрате де Ла Меттри сожалеет утрату прекрасного человека и ученого врача“.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В своей литературной деятельности Ла Меттри проявил большую разносторонность. Мы прежде всего остановимся на его полемических и сатирических произведениях.

Прежде всего несколько общих замечаний¹⁾. В своих памфлетах Ла Меттри даже современного читателя поражает свежестью и блеском стиля. В них нет той цветистой напыщенности, которая порою прямо затрудняет чтение его философских произведений, отвлекая от логической связи мыслей. Наоборот, за исключением немногих страниц, все в них полно едкого насмешливого остроумия, попадающего не в бровь, а в самый глаз; остроумия, уничтожающего противника, делающего для него невозможным после этих ударов подняться и сражаться тем же оружием. В них много цинических и фривольных отступлений, но этот цинизм и эта фривольность могут шокировать только закоренелого филистера, так наивно и непосредственно, так кстати они говорятся и так хорошо гармонируют с духом и тоном самих памфлетов. За исключением, может быть, одного Альбрехта Галлера, никто из немецких даже критиков Ла Меттри той эпохи не мог отказать в похвале яркости его стиля.

Нам пришлось уже упомянуть о его ссоре с учеными врачами, сыгравшей такую большую роль в посылавшихся на него гонениях. Из целого ряда сатир его против медицинских коллег наибольшего внимания заслуживает „Дело Пенелопы, или Макиавель в медицине“, вышедшая под псевдонимом Алтея Деметриуса в 1748 году.

¹⁾ Везде, говоря о Ла Меттри, как о памфлетисте, мы цитируем соответствующие части книги Порицкого (стр. 80—96).

Здесь, как и в остальных медицинских сатирах, дело идет не только об ущемлении противника или вообще об осмеянии ничтожных в сущности людей, но личные нападки перемешаны с борьбой против укоренившихся вредных медицинских заблуждений и суеверий. Он бичует парижских врачей и разоблачает все внутренние отношения этой корпорации. „Наши врачи достойные люди и честные граждане, но они считают совершенно излишним знание анатомии, ботаники, химии и физики. И наоборот, совершенно необходимым считают они, чтобы врач был остроумцем, писателем и поэтом, риториком и амфибиологом, художником, музыкантом, скульптором, а прежде всего любезником (*galant homme*). Какой толк из того, что человек побледнеет от книжной пыли и приобретет сократовский вид, если это не соответствует вкусу наших дам? Глупо стремиться к учености. Взгляните на врача, зачитавшегося и заучившегося до полусмерти: разве у него лучшая практика, чем у нас?“ Сам Ла Меттри принадлежал к числу тех немногих, которые считали себя обязанными непрерывно учиться, приобретать новые знания, экспериментировать. И мог-ли он шадить какого-нибудь Астриюка и не заклеить его, как тартюфа, шарлатана и мошенника! Как мы видели уже, Астриюк, в котором гармонически сочетались педантизм и погоня за известностью, был первой жертвой сатирических выступлений Ла Меттри и на него, больше чем на кого-нибудь другого, обрушивается его полемический талант. Ненависть Ла Меттри распространилась даже на медицинский факультет Монпелье, учеником которого был Астриюк. „Университет Монпелье—это второй театр, в котором обучаются наши актеры. По отношению к парижскому университету он представляет то же, что *Comédie italienne* к *Comédie française*—соперница столь же ревнивая, сколь бессильная. Желание увидеть своих членов блистающими на более обширной арене заставило его лишиться своих лучших сил. Судя по тем, которых он посылает к нам ныне, особенно высокого мнения об этих силах составить себе никак невозможно. Разве только он надувает нас, отдавая нам свои подонки“.

Те иронические советы, которые Ла Меттри дает своему сыну в этом памфлете, Порицкий сравнивает с теми, кото-
ры гетевский Мефистофель дает жаждущему знаний юноше Я
Если нельзя утверждать, что Гете был знаком с „Работо-
Пенелопы“ Ла Меттри, то сходство все-таки поразительно

Шумная ссора Ла Меттри с Галлером не раз освеща-
лась в литературе. Мы позволим себе однако остано-
на ней, так как она бросает очень яркий свет на полеми-
ские особенности Ла Меттри.

Из всех изложений этой ссоры обычно выходит так,
что Ла Меттри ни с того, ни с сего избрал почтенного уче-
ного объектом своих полемических упражнений и до кон-
дней своих уже не выпускал из своих цепких лап эту
жертву. Даже Ланге весьма порицательно относится к
Ла Меттри за его дурное обхождение с Галлером, говоря, что
он был „зол и низок в выборе своих средств“. Мы же, про-
следив весь „тот инцидент“, должны сказать, что низости
и злости было гораздо больше со стороны Галлера, чем со
стороны Ла Меттри.

История началась отнюдь не тем, что Ла Меттри по-
святил „Человек-машину“ этому благочестивому мужу, при-
крывая его европейски-известным именем ужасное литера-
турное детище. Галлер в ряде критических заметок первый
обрушился на Ла Меттри, весьма неосновательно его кри-
тикуя, обвиняя его в литературных кражах, раскрывая его
псевдоним и т. д. Может быть, Ла Меттри и хотел отместить
Галлеру, называя себя в этом „посвящении“ его учеником
и другом, осыпая его насмешливо преувеличенными похва-
лами. Вполне возможно. Но сказать, что эта месть выходит
за границы допустимого, нельзя. Можно предположить
также, как это делает Порицкий, что благодаря посвяще-
нию „спиритуалистическому строго правоверному Галлеру“
лучше был бы обеспечен псевдоним.

Галлер не сумел спокойно и с достоинством принять
нанесенный его „доброму имени“ удар. И хотя никто из
его друзей и приверженцев никогда не поверил бы, что
между ним и автором неслыханно атеистической книжки
могло существовать что-нибудь общее, он принялся обид-
чиво оправдываться и возражать. „Я заявляю,—говорит

он,—что эта книга совершенно противоречит моим взглядам.
Я рассматриваю посвящение, как самое ужасное из всех
оскорблений, которые анонимный автор наносит столь-
ким честным людям, и я прошу почтенную публику при-
нять мои уверения в том, что с автором „Человек-машина“
никогда не существовало никаких сношений, зна-
комства, переписки или дружбы и что всякое сходство
с ним во мнениях я рассматривал бы как величайшее
несчастье“.

Галлер не успокоился на этом заявлении, но продол-
жал пользоваться каждым новым выступлением Ла Меттри,
чтобы подвергать его критике. Бесспорно, из всех критиков
нашего писателя, он был самым завзятым. Эта обида и эта
критика почтенного профессора только смешила Ла Меттри,
и, издавая свои философские сочинения, он считал для себя
возможным оставить в неприкосновенности и „посвящение“.
Мало того, в своем „вступительном слове“ к этому изданию
он даже обратил особое внимание читателей на этот образ-
чик своего стиля, одновременно и оправдываясь и насме-
хаясь. „Необходимость скрываться,—говорит он,—заставила
меня придумать „посвящение Галлеру“. Я чувствую, что
двойне экстравагантно дружески посвящать книгу столь
дерзкую, как „Человек-машина“ ученому, которого я никогда
не видел и которого 50 лет жизни не могли избавить от
всех предрассудков детства. Но я не думал, что мой стиль
выдаст меня. Быть может, мне не следовало бы перепеча-
тывать отрывок, который вызвал столько крика, воплей
и опровержений со стороны того, кому он был адресован.
Но писатели, одобрение которых бесконечно льстит мне,
публично так расхваливали эту вещицу, что у меня не
хватило мужества выбросить ее. Я осмеливаюсь опублико-
вать ее в том виде, в каком она появилась во всех изда-
ниях „Человека-машины“, с благосклонного разрешения
весьма знаменитого, весьма ученого и весьма педантичного
профессора“.

Но Ла Меттри не удовольствовался этим замечанием.
Он опубликовал памфлет „Маленький человек с длинным
хвостом“, в котором очень шутливо рассказывает, как
никогда он вместе с Галлером провел приятный вечер

в обществе веселых дам и как Галлер, воспользовавшись удобным моментом, принялся философствовать, насмехаясь над богом и провидением. Мы позволим себе перевести на русский язык приведенный у Порицкого по-французски (из скромности!) отрывок, чтобы показать, что если Ла Меттри и грешил против целомудренности педантичного профессора, то грешил не слишком неприлично.

„Даже среди дам Геттингенского университета наш профессор выказывал себя блестящим и глубоким философом. Я всю свою жизнь буду вспоминать о последнем и необычайном ужине с девицами, который мы устроили. Л..., Г..., и я. Л. повел меня туда: он всегда любил прекрасный пол и, впрочем, будучи горячим последователем очаровательного учителя, он за удовольствие считал для себя следовать за ним всюду, вплоть до тех мест, где царствует сладострастие, без более глубокого чувства, правда, но зато и без стеснения. За столом, украшенным нимфами бога садов, знаменитый доктор председательствовал с той смешной важностью деревенского учителя, которая его отличает. Сначала возник у нас вопрос о том, доказывают ли чудеса природы существование бога. Под рукой у меня было два таких доказательства. И наши девицы чувствовали себя на седьмом небе, думая, что речь идет о них. Но каково было их удивление, когда они услышали, что их толстяк (как они его называют) вдруг начал философствовать и предаваться размышлениям столь же уместным, как размышления Трималкиона¹⁾ о смерти.

„Увы!—говорил Г.,—чем больше разгадываешь природу, тем больше исчезает ее творец. Нить, на которой держалось когда-то его существование, с каждым днем все более утончается, она сгорает от пламени факела физики, освещающего лишь неверие. Можно сколько угодно распространяться на этот счет, вычислять и доказывать хотя бы с помощью иксов. И хотя бы вы их алгебраически умножали до бесконечности, все равно доказать ничего большего вам не удастся. И в самом деле, имея бесконечную комбинацию движения и вещей, игральные кости случая

¹⁾ Трималкион — комический персонаж сатиры Петрония „Сатирикон“.

могли бы множество раз произвести все то, что, по вашему, имеет на себе печать того высшего разума, который представляется вашим глазам лишь благодаря тому, что они близоруки и ограничены! Таково было также мнение отца древней философии Эпикура, которому Лукреций поклоняется как богу, ибо другого бога он не знал. Какими гениями, дети мои, какими мощными гениями были эти древние! Они знали все, даже органические тельца Бюффона, который есть не что иное, как новый Анаксагор. Прочтите Лукреция, прочтите то ученое предисловие, которым я украсил немецкий перевод естественной истории этого французского автора, которого я однако очень ценю“.

„Нагромоздив в кучу все эти избитые и сотни раз опровергнутые аргументы, наш неверующий амфитрион прибавил: „Если бы существовало провидение, то злые наказывались бы, а добрые награждались, на костер не посылали бы невинных... Я, впрочем, не знаю, как управляются другие миры (если они существуют), но мне кажется, что наш мир без ферулы судей и законов управлялся бы очень плохо. И достоинство, как говорят китайские преадамиты в гипотезе Тиена, иначе вознаграждалось бы, полезные люди оплачивались бы лучше, чем люди, занимающиеся прыжками, или приятные марионетки,— продолжал он, смотря на наших сестриц, которые собирались уже рассердиться,— и говоря все одним словом, я, Галлер, имеющий столько читателей, я спрашиваю у самых просвещенных, почему я пользуюсь известностью только в Германии? Итак все—случай, итак, ничто не направляется, ничто не управляется“.

„Ну можно-ли судить об авторах по их произведениям! И кто бы мог счесть этого писателя таким решительным эпикурейцем, судя по тому, что он столь политично излагает в своих писаниях“.

Это сочинение Ла Меттри вызвало много смеха, но Галлер пришел в страшную ярость. В длинном, впоследствии преданном им гласности, письме к Мопертью, в котором он требовал от президента Берлинской Академии обуздать нечестивца, он приводит всевозможные доводы в пользу того, что все рассказанное Ла Меттри есть только выдумка. Он, мол, обязан защищать свою репутацию перед

потомством. Он принципиально никогда не принимал участия в подобных пирушках, но даже если бы он и хотел этого, то его слабая и болезненная натура не позволила бы ему таких излишеств. А кроме того, он всегда целью своей жизни ставил серьезность. Бессовестно, буквально говоря, он, приписывая ему ужины с молодыми девицами: его возраст, число его детей, все противоречит рассказу Ла Меттри.

Смерть Ла Меттри вывела Мопертюи из неловкого положения. Он ответил Галлеру письмом, в котором, выражая свое негодование против сочинения своего друга, берет однако его под свою защиту: „Вы несправедливы к Ла Меттри,— говорит он,— если думаете, что он писал с какой-нибудь злостью... Вы знаете, что он вас никогда не видел и не знал. Он мне сам сто раз говорил это. В свои сочинения он вас включил только потому, что вы знамениты, или потому, что духи, блуждавшие бесцельно в мозгу его, встретили слоги вашего имени“.

Ближайшими по своему духу к сатирам Ла Меттри были его другие произведения легкого жанра, как „Сладострастие“ и „Искусство наслаждения“. Эти именно произведения создали ему славу развратника и закрепили ее в потомстве. Нужно, впрочем, оговориться, что современники Ла Меттри отнюдь не относились к этим сочинениям с тем, несомненно деланным, возмущением, с которым их осуждали историки литературы позднейшего времени. 18-й век отнюдь не отличался той водобоязнью „безнравственности“, которая так сильно пропитывает закулисно-безнравственный 19-й век. И не найдется, может быть, ни одного из корифеев литературы 18-го века, который не отдал бы дань грешку порнографии. Если мы сравним „Сладострастие“ Ла Меттри с „Нескромными драгоценностями“ Дидро или некоторыми сочинениями Вольтера, мы, конечно, пальму первенства отдадим не развратному автору „Человека-машины“.

Названные два произведения Ла Меттри, конечно, некоторыми элементами порнографии грешат. Однако, это—порнография того сорта, которая была целиком во вкусе эпохи. Ла Меттри описывает пробуждение у юноши половых чувств,

целый гимн поет он естественной любви, чуждой условностей и наносной стыдливости, и многое еще в том же духе. Нельзя сказать, чтобы стиль его мог нам нравиться. Вообще несколько напыщенный и цветистый, здесь он переходит временами границы. Поэтому мы и относим эти сочинения к той части его наследства, которую преспокойно можно оставить в темном уголке наряду со множеством подобных им произведений других авторов этой эпохи.

Настоящей теории любви, собственно говоря, в этих произведениях и не заключается. Поскольку есть в них элементы „философии“, мы их в более развитом виде и в более подобающем антураже встречаем в „Рассуждении о счастье“.

Ла Меттри отнюдь не выступает апостолом сладострастия в грубом и ограниченном понимании этого слова, апологетом разврата. Нет, как он сам говорит, он, идя по стопам Шолье, проповедует „его евангелие, искусство приятно прожить жизнь, искусство Психеи, изобретенное самой природой“. Обычно смешивают,— говорит он,— удовольствие со сладострастием, а сладострастие с развратом... Удовольствие имеет свое местонахождение в органах чувств; оно зависит от напряжения и приятного возбуждения нервов. В наивысшем удовольствии нервы напряжены в такой степени, что дальше уже следует страдание... Сладострастие надо искать дальше. От одних чувств ожидать его нельзя. Хотя они для него необходимы, но недостаточны, и тут воображение должно их пополнить. Воображение всему дает яркость, оно зажигает сердце огнем желаний и внушает ему способы их удовлетворения. Сладострастие, это искусство наслаждения, есть лишь искусство обманывать себя, как обманывала себя та женщина у Монтэня, которая рассматривала с помощью лупы своего любовника... Сладострастие, пожалуй, так же отличается от разврата, как добродетель отличается от преступления. Испорченные сердца не могут быть добродетельными, а добродетельные не могут быть ни развратными, ни преступными. Удовольствие принадлежит самой человеческой природе, оно в порядке вещей. Один только разврат и все, что вредит интересу общества, является преступлением. Вкус к удовольствию дан всем

животным, как главный атрибут, они любят удовольствие ради него самого и дальше не идут. Один только человек, это разумное существо, может возвыситься до сладострастия... и т. д. в том же духе. Это—канва, на которой Ла Меттри, несколько распустив свое хваленое „воображение“, вышивает узоры. Порою он поднимается до пафоса: „Удовольствие, верховный владыка людей и богов, перед кем все исчезает, и даже сам разум! Тебе ведомо поклонение моего сердца и все жертвы, которые я принес тебе... Я считал бы себя недостойным тебя, если бы я со всем вниманием не обеспечивал в себе твоего присутствия и не отдавал бы себе отчета во всех твоих благодеяниях. Да, несомненно, я обязан тебе моментами слишком счастливыми для того, чтобы только просто ощущать свое блаженство и твое могущество. Признательность была бы слишком слабой данью тебе, и я усиливаю еще с помощью размышления и анализа свои самые нежные чувства. Ибо если во всем прочем размышление отравляет удовольствия, здесь оно их увеличивает. Таково истинное сладострастие,—ум, а не инстинкт удовольствия, искусство пользоваться им разумно, разумом оберегать его, а чувством вкушать“.

При желании можно бы привести еще много страниц, далеких от „развратности“, из названных произведений нашего автора. Читая их с пониманием среды, нравов и вкусов эпохи, а также ее стиля, можно испытать истинное удовольствие. Сказать про эти сочинения, как делает Порицкий, что они представляют собою „смесь бесстыдной сатиры с отвратительным цинизмом“, значит проявить неуместную суровость в оценке.

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ЛА МЕТТРИ

Ла Меттри, быть может, единственный из всех французских материалистов, материализм которого не подвергся ни сомнению, ни смягчению со стороны его благосклонных и неблагосклонных критиков. Наоборот, говоря о нем, эти критики (Ланге, Сури и др.) утверждали: вот подлинный настоящий непреклонный материалист в отличие от других, тоже материалистов, которые нет-нет да и сбивались

в сторону истинной философии—идеализма. Следовательно, с автентичностью материализма Ла Меттри дело обстоит совершенно благополучно. Но очень неблагоприятно обстоит дело с вопросом о происхождении его материализма. Мы уже познакомились с легендой о том, как из самонаблюдений во время болезни возникла основная мысль Ла Меттри (в то же время и основная мысль всякого материализма) о полной зависимости так называемых душевных явлений от состояния организма. Из этой легенды, принятой на веру даже таким знатоком материализма 18-го в., как Плеханов, естественно было сделать вывод, что Ла Меттри—материалист-самоучка, не имеющий никаких корней в истории философии. Но такое предположение было бы явной нелепостью. Та книга его „Естественная история души“ (или другое название—„Трактат о душе“), которая якобы написана непосредственно после названных самонаблюдений, является ярким опровержением этого предположения. Она обнаруживает настолько обширное знакомство с философами древнего и нового времени, проповедывавшими материализм или приближавшимися к нему той или другой стороной своих учений, что мы с полным основанием можем утверждать, что если „История души“ и была первым материалистическим произведением Ла Меттри, то мысли, изложенные в ней задолго до ее написания, пустили глубокие корни в уме философа.

Кто же из этих философов может быть назван духовным отцом Ла Меттри? Плеханов неоднократно говорит, что Ла Меттри был картезианцем, в отличие, повидимому, от других материалистов века, которые свой материализм создавали под преимущественным влиянием сенсуализма Локка. Картезианство у него превратилось в материализм, благодаря его умению последовательно мыслить и знанию биологии. Это суждение нельзя не признать односторонним и черезчур схематическим. Оно целиком почерпнуто от К. Маркса и не развито должным образом. Маркс говорит: „Механический французский материализм примкнул к физике Декарта в противоположность с его метафизикой. Его последователи были анти-метафизики по ремеслу, т. е. физики. Эта школа начинается в лице врача Леруа и

достигает высшего своего развития в лице врача Кабаниса. Врач Ла Меттри является ее средоточием¹⁾ И несколько далее: „Сочинения Ла Меттри представляют соединение картезианского материализма с английским. Ла Меттри до мелочи пользуется физикой Декарта. Его „L'homme machine“ („Человек-машина“) построен по образцу животного-машины Декарта“. Но по мнению Маркса картезианский материализм превратился в естествознание, т. е. в так называемый вульгарный материализм, между тем как другое направление французского материализма, которое исходило от английского материализма и от сенсуализма Локка, и самым ярким представителем которого был Гельвеций, непосредственно послужило истоком для теорий социализма и коммунизма. Если Ла Меттри был картезианец, как это говорит Плеханов, т. е. если в его теориях превалировал механический материализм, чистое „естествознание“, то вряд ли он заслуживал бы с нашей стороны того исключительного внимания, которое мы считаем нужным ему уделить при изучении корней диалектического материализма и марксизма вообще.

На самом же деле картезианство у Ла Меттри носит исключительно внешний и побочный характер, оно служит в „Человеке-машине“ таким же приемом изложения, каким в „Естественной истории души“ является аристотелевская терминология. Положительные стороны картезианства, но без всякого выпячивания, приняты Ла Меттри в готовом и, так сказать, очищенном виде, как им принят Спинозизм, который он считал крайним выражением картезианства. Но английская философия также не осталась без влияния на него. Достаточно прочесть строки, которые он посвящает Локку в своем „Кратком изложении систем“ („Abrégé des systèmes“), чтобы убедиться, что мысль его выходила далеко за узкие рамки естественно-научного материализма. А факт наличия в его сочинениях такой вещи, как „Рассуждение о счастье“, в котором мы находим по существу все содер-

жание разработанной Гельвецием эволюционной морали, должен заставить нас признать, что в мировоззрении Ла Меттри гармонично сочетались все положительные элементы философских направлений, оказавших, во многих случаях очень односторонне, свое благотворное влияние на французский материализм. И тем не менее мы не будем отрицать, что Ла Меттри был ярким и самым выдающимся во Франции 18-го века представителем естественно-научного материализма. Это обстоятельство мы склонны поставить ему в заслугу, потому что, благодаря этому элементу, его философия приобрела совершенно исключительную для того времени выдержанность и убедительность.

Но вернемся к вопросу о том, под чьим же преобладающим влиянием создавались теории Ла Меттри. По нашему мнению, еще задолго до выступления своего в 1745 г. с „Историей души“ он создал основные положения своей материалистической философии. Школа Бургава, как говорилось выше, повидимому укрепила в нем влечение к радикальной философии, бывшей вообще в духе времени, и направила его ум в сторону естественно-научного материализма. Латинская диссертация Бургава об отношении души к телу могла дать внешний толчок Ла Меттри к написанию „Естественной истории души“ и в таком случае она, несомненно, дала ему основные вехи этого произведения. А затем, стоит только, хотя бы бегло, проследить все философские произведения его, и мы увидим в них частые ссылки (а еще более частые мысли) и на французских скептиков, и на английских философов, и на Декарта, и на Гассенди. Материализм древности у Ла Меттри, как и у других философов 18-го в., тоже играет немалую роль и, может быть, даже служит ему фундаментом. Таким образом, по нашему мнению, нельзя сказать, что Ла Меттри пришел к материализму через картезианство или через сенсуализм Локка (такое мнение тоже высказывалось). Его философия, правда, не самобытна. Но за ним остается заслуга, что он первый из французов своего времени в более или менее стройной форме объединил, связал в некоторого рода систему острые и крайние, или, если угодно, левые элементы и теории предшествовавших школ и создал тот материализм, кото-

¹⁾ Ф. Энгельс: „Людвиг Фейербах“, перевод Г. В. Плеханова. Петроград, 1918. Прилож. I: „К. Маркс о французском материализме XVIII в.“ стр. 60.

рый в области идеологии был самым лучшим оружием готовившейся революции и который до нашего времени в значительной степени сохранил свое революционное значение.

„Философия“ нашего автора изложена очень просто и понятно, без того тяжеловесного аппарата учености, который мы обычно связываем с представлением о философских книгах. Он, как и все французские философы 18-го века, писал не для людей, имеющих специальную подготовку, а для образованных людей вообще, причем „образованность“ в то время понималась несколько шире, чем теперь. Ла Меттри не одержим духом системы, мысли его развиваются не по заранее намеченному плану, не в обдуманых и строго взвешенных выражениях, они меньше всего страдают научной выхолощенностью. Только „Естественная история души“ построена у него по заранее обдуманному плану, разделена на главы и параграфы. Она написана, или, вернее, автор делает попытку написать ее, с возможной осторожностью. Как говорит Ланге, он „собирает всю аристотелевскую метафизику, чтобы лишь постепенно показать, что она — пустая форма, в которую можно влить и материалистическое содержание“. Но темперамент и здесь очень часто берет верх и ярким фейерверком смелых мыслей и остроумных выпадов оживляет спокойное изложение. Вообще же Ла Меттри любит сгущать краски, любит парадоксы и неожиданные примеры, любит поразить читателя какой-нибудь выходкой, часто не особенно приличного свойства. Самый стиль его вполне соответствует его темпераменту — пылкому, увлекающемуся, нервному. Может быть, в этом слабость его произведений. Но эта слабость из числа тех, которые обычно легко прощаются, которые можно даже любить. Мы уважаем кабинетных ученых, мыслителей, но мы им предпочитаем людей борьбы, людей действия. А Ла Меттри был именно таким человеком. Его философия насквозь действительна. Он пишет не потому, что истина его идей — для него отвлеченная истина, ценная сама по себе независимо от обстоятельств места и времени. Он пишет, высказывает свои убеждения, исходя из их пользы для общества, для человечества и из вреда противоположных идей. Для общества

вредна вера в бога, и он с ней борется. Вера в существование души, как какой-то независимой от тела сущности, переживающей это тело, бессмертной, — для него ненавистна. Ненавистна и потому, конечно, что она ложна, но главным образом и прежде всего потому, что она ретроградна. А прогресс — его высшая цель. И так далее относительно всех почти идей и понятий, против которых направлены его сочинения.

„Естественная история души“ на первый взгляд кажется вовсе не материалистическим произведением. Она очень осторожно написана, а подлинные мысли автора спрятаны в ней за хитросплетениями схоластических выражений. Лишь постепенно, вчитываясь и вдумываясь, мы прозреваем истинное содержание.

Сущность души, как и сущность тела, была и всегда будет для нас недоступна. Душа без тела такая же непонятная вещь, как и бесформенная материя. Душа — действующее начало в теле, и потому, чтобы узнать ее свойства, нужно знать свойства тела. Отсюда вывод, что только органы чувств могут надежно руководить нами.

Целый ряд глав посвящен материи. Материю мы познаем только в ее связи с формами и движением, и так как конкретно мы знаем ее только в этой связи, то никакой особой материальной субстанции не существует: субстанция и вещество одно и то же. Если мы не замечаем в материи движения, то оно существует в ней потенциально, как потенциально существует в ней и способность принимать формы. И тут перед нами первый атеистический вывод: нет никакой нужды искать вне материи какое-нибудь особое движущее начало, оно — чистая выдумка. Способность к ощущению присуща материи, как и движение. И не наблюдая этой способности в том или ином случае (у неорганизованных тел), мы должны считать ее потенциальной.

Его взгляды на местонахождение души, то-есть чувствующего начала в телах, на ощущения, их механизм и т. д. нуждаются вследствие своей устарелости в значительных поправках. Однако, внимательно вчитываясь в соответствующие места „Истории души“, мы убеждаемся,

что Ла Меттри очень осторожно и отнюдь не вульгарно-материалистически подходил к трактуемым им вопросам. Утверждая, что только чувства являются единственно надежными проводниками в познании, он отнюдь не приписывает ощущениям особенной ценности. Они не дают нам познания ни природы тел, или, как он говорит, активного объекта, ни природы воспринимающего органа. Ощущения изменчивы и целиком зависят от состояния наших органов чувств. Больше того, понятия величины, твердости и т. д. также определяются нашими органами. При других органах мы обладали бы и иными понятиями и, следовательно, иначе мыслили бы. Но хотя ощущения и не представляют нам вещей в себе, они нас не обманывают, так как они даны нам для сохранения нашей машины. Душа и тело настолько тесно связаны между собою, что они как бы представляют собою одно целое. И тут же Ла Меттри доказывает, что душа и есть не что иное, как тело, материя, соответствующим образом организованная. Как же возможно, что материя может чувствовать и мыслить? Я и сам этого не понимаю, говорит он. Но если мне неизвестна сущность какой-нибудь вещи, разве я должен отрицать поэтому за ней те свойства, которые открываются в ней моими органами чувств? Если я смешиваю душу с органами тела, то только потому, что все факты заставляют меня это делать.

Еще Дюбуа Реймон отмечал, что Ла Меттри стоит на точке зрения монизма. Это „открытие“ он делает с некоторым пафосом, как бы подчеркивая, что хотя Ла Меттри и считается материалистом, он тем не менее не дуалист. Только незнанием почтенного ученого с материализмом вообще можно объяснить его непонимание того, что материализм монистичен по самой своей природе. Но мы возражали бы против названия философии Ла Меттри монистической в том геккелевском смысле, по которому в мире существует некое единое начало, по отношению к которому и духовное и материальное являются лишь его сторонами или проявлениями. Таким „натурфилософским“ монизмом философия Ла Меттри не грешит.

Если в „Естественной истории души“ Ла Меттри постепенно подходит к материалистическим выводам и утвер-

ждениям, то в „Человек-машине“ он это делает сразу и сразу же вступает в полемику со спиритуализмом. Нужно материализовать душу, заявляет он, а не спиритуализировать материю. И это он делает, развивая два основных положения: во-первых, что человек—это машина, и во-вторых, что животные, к которым принадлежит и человек, отличаются от него и друг от друга лишь большей или меньшей степенью организованности. В этом сочинении Ла Меттри строит исключительно на естественно-научном фундаменте, пуская в дело свои замечательно обширные знания всех достижений науки того времени. Он засыпает читателя фактами и примерами, доказывая, что явления психические вполне соответствуют состояниям тела и что от того, как „заведена“ наша машина, зависит в области душевной решительно все. Чтобы объяснить этот механизм, он пускает в ход тяжелое оружие сравнительной анатомии. И познания, обнаруживаемые им здесь, не раз уже вызвали удивление. „Ла Меттри, которого так часто обвиняли в невежестве,— говорит Жюль Сури¹⁾,— был больше чем кто-нибудь другой в курсе научных знаний своей эпохи: он изучал, немедленно по их выходе в свет, атеистические трактаты Уиллиса, и ботанические работы Линнея; он понимал значение извилин в мозгу, он знал те различия, которые вытекают из относительного развития разных частей мозга у высших и низших животных, у людей, четвероногих, птиц, рыб. Отметив различия формы и количества, он особенно останавливается на качестве мозгового вещества и погружается в детали патологической анатомии“...

Но Ла Меттри не только стоит на уровне знаний своего времени, он часто выходит за их пределы и наряду со многими ошибочными догадками высказывает гипотезы, которые впоследствии вошли в плоть науки. Так, он является несомненным предшественником врача Пинэля, основателя новой психиатрии, отмечая с большим упорством, что многих преступников следует рассматривать как душевно

¹⁾ „Bréviaire du matérialisme“, p. 682. Ср. Ланге: „История материализма“, т. I, прим. 68.

больных¹⁾ и не делать их ответственными за их деяния. В связи с этим он выражает пожелание, чтобы судьями были люди, хорошо знакомые с медициной. Ему приписывается первенство открытия закона раздражимости²⁾. Он, исходя из принципа единообразия и единства плана организмов, высказывал предположение, что между растительным и животным миром существуют еще не открытые промежуточные звенья.

Доказывая свои основные положения, Ла Меттри затрагивает целый ряд проблем, занимавших тогдашнюю философию и часто не утративших вполне своего значения для нашего времени. Его взгляды на воспитание, развитие впоследствии Гельвецием и др., очень интересны. Существование у человека „нравственного закона“ он прямо не оспаривает здесь, но он полагает, что этот закон у человека заменяет инстинкт животных, попутно выражая ту мысль, что он представляет собою просто известного рода боязнь, столь же спасительную для вида, как и для индивидуума. Так же, как и все прочие явления душевной жизни, нравственные понятия зависят от строения мозга и вообще тела. И если, говорит он, несомненно, что мышление развивается в зависимости от развития органов, то почему бы не допустить, что материя, из которой эти органы состоят, наряду со способностью к ощущению, не может обладать и способностью к угрызням совести. Он полемизирует с учением о конечных причинах, целесообразности всего сущего, тут же делает ряд выпадов против христианства и религии вообще, против бессмертия души и т. д., весьма тонко проводя свои атеистические воззрения.

К „Человек-машине“ непосредственно как по времени (первая половина 1748 г.), так и по содержанию примыкает маленькое сочинение „Человек-растение“. Как показывает самое заглавие, человек сравнивается здесь с растением. Уже в первом из этих сочинений Ла Меттри говорит, что между растительным и животным царством, между челове-

¹⁾ Дюбуа Реймон, ср. Порицкий, цит. соч., стр. 136; там же подробно о знаниях и наблюдениях Ла Меттри в области, разработанной новейшей экспериментальной психологией.

²⁾ См. Порицкий, цит. соч., стр. 169.

ком и растением существует сходство. Эту мысль теперь он развивает более детально, основываясь на вышедшей в 1747 году книге Линнея „Классы растений“. Однако у Ла Меттри речь идет не о простой аналогии жизненных функций. Он, несомненно, стоит на точке зрения трансформизма, правда трансформизма весьма примитивного, но все же выгодно отличающего его от других философов 18-го века и в частности Вольтера, верившего в неизменяемость организмов. Его предположение, что „существуют животные-растения, которые могут иметь приписываемые только животным функции“, говорит о ясном понимании им того единства природы, которое в наше время стало уже азбучной истиной. Порицкий, особенно много внимания уделивший ему с этой именно точки зрения, заходит еще дальше, говоря, что Ла Меттри имел повидимому не одно только смутное представление также и о причинах единства природы. „Ибо, если он в „Человек-машине“ и в „Человек-растении“ постоянно говорит о единой субстанции, которая является причиной многообразия всех организмов, и о „жизненной силе“, одинаково присущей обоим царствам, то под первой он понимает не что иное, как клетку, а под второй лишь тот закон, ощутимым результатом которого является деление клетки“¹⁾.

Свой трансформизм Ла Меттри наиболее ясно выражает в „Системе Эпикура“, где он, надо отметить это, не идет дальше Лукреция, и хотя и ссылается на де Малье, выразившего в своем „Теллиамеде“ более совершенную эволюционную гипотезу, однако к нему не примыкает.

Параллели между растениями и животными, проводимые Ла Меттри, в очень многом грешат против воззрений нашего времени. Но, как говорит Порицкий²⁾, „он совершенно прав, последовательно проводя свою мысль, что человек—это растение, и хотя нужно сознаться, что он во многих случаях очень далеко отклонялся, однако слишком далеко за пределы научного он никогда не выходил“. Аналогии Ла Меттри казались смешными и непозволительными

¹⁾ Порицкий, цит. соч., стр. 231.

²⁾ Там же, стр. 241.

в его время. Ныне же эти аналогии знакомы всякому занимающемуся ботаникой. Если мы, например, сравним „Человек-растение“ с той главой самой распространенной у нас и, несомненно, самой лучшей книги по ботанике „Жизнь растения“ К. А. Тимирязева, в которой рассказывается о „Растении и животном“, то мы увидим, что взгляды Ла Меттри представляют лишь несовершенный зародыш наших нынешних взглядов, но и только.

Руководящая мысль, проникающая все это сочинение, выражается в словах: от самого разумного человека и до самого низшего из растений и даже до минералов—мы всюду видим непрерывную цепь разнообразных, несмотря на свое единообразие, форм. Человек и растение—это крайние звенья; между ними мы можем проследить, незаметно переходя от менее совершенного к более совершенному, все нюансы живого спектра. Степень одушевленности постепенно уменьшается: „человек из всех известных до сих пор существ одушевлен более всего (имеет более всего души), а растение, если нельзя говорить о минералах, одушевлено всего менее“. Просматривая книгу Тимирязева¹⁾, мы находим те же мысли: „нет ни растения, ни животного, а есть один нераздельный органический мир... Пришлось убедиться в единстве органического мира... Мы не видим более в растении и животном двух абсолютно различных между собою категорий“.

Делая свой беглый обзор основных положений Ла Меттри в „Человек-машине“, мы упомянули о его прозорливости, говоря о его гипотезе о растениях-животных. В „Человек-растении“ эта мысль выражена более резко: „Вслед за минералами и растениями, не обладающими душой, идут существа, начинающие одушевляться: таковы полипы²⁾ и все растения-животные, до сих пор неизвестные, которые будут со временем открыты другими счастливыми Тремблеями... Эти существа я называю средними или смешанными, потому что

¹⁾ Порицкий также дает ряд сравнений современных взглядов на этот вопрос с воззрениями Ла Меттри.

²⁾ Ла Меттри имеет в виду пресноводную гидру, описанную впервые Тремблем.

они дети двух царств“... Здесь невольно вспоминается Дарвин и его работа о „Насекомоядных растениях“.

К вопросу об одушевленности растений Ла Меттри подходит очень осторожно. Он исходит здесь из выставяемого им закона, что одушевленность функционально зависит от наличия или отсутствия потребностей. „Существа без потребностей не обладают умом“—говорит он, понимая под „умом“ одушевленность. Растения не должны бы с этой точки зрения обладать „душой“. На что она им? И хороша была бы душа, которой не приходилось бы даже заботиться о снабжении тела пищею. Но Ла Меттри с похвальной осторожностью даже не пытается провести грань между миром одушевленным и неодушевленным. Самое низшее из животных будет обладать большим количеством „инстинкта“, чем самое одухотворенное из растений с животными отправлениями. И дальше этого утверждения он не идет. Мы позволим привести здесь еще одну выдержку из названной книги Тимирязева, поразительно напоминающую занимаемую Ла Меттри позицию: „Обладает-ли растение сознанием? На этот вопрос мы ответим вопросом же: обладают-ли им все животные? Если мы не откажем в нем низшим животным, то почему же откажем в нем растению? А если мы откажем в нем простейшему животному, то на какой ступени органической лестницы лежит этот порог сознания? Не допустить-ли, что сознание разлито в природе, что оно глухо тлеет в низших существах и только яркой искрой вспыхивает в разуме человека? Или, лучше, не остановиться-ли там, где прерывается руководящая нить положительного знания?“¹⁾.

Мораль Ла Меттри наиболее полное выражение нашла в „Анти-Сенеке, или рассуждении о счастье“. Теория морали Ла Меттри заключает в себе уже все существенные принципы того учения о себялюбии, которое было позднее систематически развито Гольбахом и Вольнеем. Базис составляет устранение абсолютной морали и замена ее тою относительною, основывающеюся на государстве и обществе, которая является у Гоббса и Локка. С этим Ла Меттри

¹⁾ К. А. Тимирязев.—„Жизнь растения“, 7-ое издание, стр. 267.
4.—И. Воронцын.—Ла Меттри.

соединяет принадлежащее ему учение об удовольствии, которое было в свою очередь опичано его французскими последователями и заменено более неясным понятием себялюбия. Затем к особенностям Ла Меттри относится то, что он придает большое значение в воспитании в отношении к морали, а также его, примыкающая к этому, полемика против „угрызений совести“. Так кратко характеризует Ланге ¹⁾ взгляды Ла Меттри на нравственность.

Понятно, что такая теория морали не могла не вызвать бурных и часто несправедливых возражений. Тот же Галлер, никогда не упускавший случая к клеветническим нападкам на своего противника, писал вскоре по выходе в свет „Анти-Сенеки“: ²⁾ „В этой книге „знаменитый Ла Меттри“ развернулся во всю,—говорит он. И если, автор „Человек-машины“ еще принимал некоторое раскаяние и угрызения совести, то здесь он предпочитает уже, с еще большей энергией, чем Лукреций, избавить порочных от болезненного чувства совести и распространить блаженство, как общий дар неба, даже на самых злых людей“ и т. д. С этого времени хула посыпалась на мораль Ла Меттри. Современники его и продолжатели, энциклопедисты, принимая основные взгляды его, считали своим долгом облить его грязью. Мы уже видели выше, с каким презрением отзывался о нем Дидро. В частности по поводу „Рассуждения о счастье“ он пишет, что Ла Меттри здесь везде, во всем, что он говорит, высказывает легкомыслие своего ума, а в том, чего он сказать не смеет, проявляет испорченность своего сердца; что он стремится успокоить злодея в его преступлениях, а испорченного человека в его пороках; что его опасные софизмы обнаруживают в нем писателя, не обладающего даже основами истинной морали; что его принципы, если их последовательно развить, отрицают всякое законодательство, избавляют родителей от воспитания и т. д., и т. д.

И если так говорит Дидро (правда, в тот период своей жизни, когда наступающая старость ослабила этот ясный

ум и охладила это горячее сердце 18-го века), то можно себе представить, что должны были говорить официальные историки философии и литературы, призванные на профессорские кафедры со специальной целью искоренить из умов все духовное наследие просветительной и революционной эпохи. Как наиболее типичное приведем мнение автора многотомного курса французской литературы Вильмена: „Книги Ла Меттри сами по себе отличаются большой парадоксальностью и чудовищны... Мало того, что он скверно рассуждает. Его книги гнусны, потому что он систематически развращает всякую нравственность, уничтожает даже совесть... Лектор короля прусского писал, что угрызений совести не существует, и что человек должен предаваться пороку и преступлению, если порок и преступление делают его счастливым“ ¹⁾. Таких отзывов, грубо несправедливых, можно привести очень много. Даже биографы Ла Меттри, относящиеся к нему со всей снисходительностью, не свободны от подобных обывательских суждений. Так Нере Кепа в своем „Опыте о жизни и сочинениях Ла Меттри“, хваля его, как врача и человека науки, обрушивается на него, как на моралиста с осуждениями, по существу не менее грубыми и несправедливыми, чем только это приведенное. Нельзя не подписаться под той энергичной отповедью этому суждению, которую дает Жюль Сури: „Что общего имеют ученые и философы с честными людьми? Пусть каждый возделывает свой сад, и это достаточно. „Книгу по физике следует и читать с духом физика“, сказал Фридрих в своем „Похвальном слове Ла Меттри“.

МОРАЛЬ ЛА МЕТТРИ

Теория морали Ла Меттри проста и последовательна. Человеку, как и всякому животному существу, присуще стремиться к удовольствию и избегать страдания; это основной закон жизни. Всякое же удовольствие по существу принадлежит к явлениям физического порядка, поскольку все духовные явления целиком зависят от происходящих

¹⁾ Ланге: „История материализма“, т. I, стр. 322; ср. J. Soury: „Bréviaire“ etc, p. 669.

²⁾ Цит. по Порвнскому, стр. 244 и далее.

¹⁾ Villemain: „Cours de littérature franç. Tableau de la littérature au XVIII S.“ P., 1861, t. II, p. 101—102.

в нашем теле процессов, от нашей „организации“. Но из этого отнюдь не вытекает, что физическое удовольствие следует предпочитать удовольствиям так называемого „духовного“ порядка. Первое, правда, естественно и необходимо, но оно непродолжительно большей частью. Духовные удовольствия тесно связаны с культурой и воспитанием, они гораздо предпочтительнее для тех, кто достаточно счастлив, чтобы им предаваться. Таким образом, чувственное удовольствие Ла Меттри ставит выше всего лишь потому, что оно всеобщее, а не потому, что он считает его качественно высшим. Человек образованный при прочих равных условиях наслаждается больше, чем необразованный, потому что его разум, соображаясь с велениями природы, руководит им. Он освобождает его от предрассудков воспитания и среды, часто тормозящих нас на пути к достижению счастья.

Под воспитанием Ла Меттри понимает все то, что—в хорошем и в дурном—поднимает человека над уровнем примитивной психики. Сама по себе естественная организация нашего тела является основным источником счастья. Но воспитание этот источник очищает. Отсюда следует, что, если приобретения воспитания так тесно связаны с нашим счастьем, то мы должны стремиться сделать это воспитание совершенным. Совершенство уже, если мы обладаем хотя бы бесплодными истинами, но мы приближаемся к счастью, если истина может дать нам душевное равновесие. И Ла Меттри конкретно указывает некоторые цели, которые нужно поставить воспитанию; прежде же всего нужно устранить веру в иную жизнь и в иное счастье, веру в бессмертие души. „Истинная философия признает только временное счастье, она сеет розы и цветы на нашем пути и учит нас, как их срывать“.

Но Ла Меттри выходит за пределы индивидуальной морали, вводя принцип симпатии. Правда, он много на нем не останавливается. Однако, неправ Ланге и вслед за ним Порицкий, утверждая, что этот принцип, развитый впоследствии Вольнеем¹⁾, затрагивается у Ла Меттри „лишь

¹⁾ В его сочинении „La loi naturelle ou Catéchisme des citoyens français“, вышедшем в 1793 г.

мимоходом“. Ла Меттри неоднократно останавливается на нем в этом сочинении, но и в других мы также встречаемся с ним, в „Человек-машине“, например, в „Системе Эпикура“. Отношение между индивидуумом и обществом развивается отчасти в духе Гоббса. Понятие добра и зла относительно, определяется интересами того общества, в котором живет индивидуум. Однако, целиком Ла Меттри принадлежит мысль о свободной оценке этого добра и зла самим индивидуумом, вместо непреклонной воли государства у Гоббса.

Вопреки столь распространенному взгляду на Ла Меттри, как на человека, совершенно отрицавшего добродетель, необходимо указать, что подобного отрицания у него нигде нет. Он не отрицает добродетель, а объясняет ее. Поскольку не существует врожденных идей и естественного нравственного закона, и, следовательно, понятия добра и зла не прирождены нам, а приобретены, постольку и пороки и добродетели не являются понятиями абсолютными. Понятие о добродетели изменяется в зависимости от возраста и воспитания и в зависимости от среды. Оно чрезвычайно неустойчиво и его необходимо всячески укреплять. Особенную роль при этом приписывает Ла Меттри всему, что льстит самолюбию и честолюбию человека. Эти идеи были впоследствии широко использованы Гольбахом, Гельвецием и их последователями.

„Возвышенной“ мораль Ла Меттри мы и не хотели бы назвать. Но она человечна, прежде всего, и в этом ее неотъемлемое достоинство. Только из-под пера человека, проникнутого насквозь проповедываемым им учением, могут вылиться такие слова: „Если предрасположение к злу настолько велико, что легче добрым стать злыми, чем этим последним исправиться, то постараемся извинить эту бесчеловечную склонность человечества. Не будем терять из виду тех пут и оков, которые мы получаем в удел рождаясь на свет и которые не оставляют нас в течение всего рабства жизни. Взгляните на деревья, растущие у подножья и на вершине горы,—одни малы, другие велики; они отличаются не только благодаря своим семенам, но и благодаря тому, как нагревается почва, на которой они посажены. Согласно тем же законам произрастает и человек. Он зави-

сит от климата и от отца, от которого происходит. Все элементы господствуют над этой слабой машиной. В сыром и тяжелом воздухе она мыслит не так, как в воздухе сухом и чистом. И как могли бы мы не быть такими, каковы мы в действительности, если мы зависим от множества внешних, а еще в большей степени от внутренних причин? Как могли бы мы урегулировать те пружины, которые нам неизвестны?... Наша воля с необходимостью предопределена желать и стремиться к тому, что и для души и для тела представляет насущное благо... Нас увлекает абсолютная необходимость, а мы однако не хотим быть рабами ее. Какие мы сумасшедшие, и сумасшедшие тем более несчастные, что мы беспрестанно упрекаем себя, что не сделали того, что не в нашей власти было сделать“.

В этом рассуждении мы уже находим исходный пункт похода Ла Меттри против угрызений совести и его защиты преступника. Мы не будем излагать здесь весь ход его рассуждений в этом вопросе, скажем только, что трудно найти в истории литературы и философии более гуманные и более красноречивые страницы. С нашим автором можно не соглашаться в частностях, можно находить у него преувеличения, объясняемые пылкостью его природы и необузданностью его воображения, но нельзя не признать высокой моральной ценности его взглядов, далеко не потерявших своего значения даже для нашего времени. Мы смело можем провозгласить его основоположником новых взглядов на преступления и преступника, которые много лет спустя нашли себе признание в знаменитой книге Беккариа о преступлениях и наказании.

Итак, что же представляет учение Ла Меттри о нравственности? Это в совершенно ясной и достаточно законченной форме эволюционная мораль, то-есть объяснение нравственных явлений с точки зрения развития. В этом отношении Ла Меттри также далеко опередил своих современников и соратников, очень часто, как Дидро и Гольбах, грешивших моралью метафизической, основанной на неизменных существующих или врожденных человеку нравственных понятиях.

В сущности, вопрос о страдании и удовольствии, как основных факторах развития животного мира, выдвигался

еще в древности. Но лишь в 18 веке, и начиная с Ла Меттри, он приобретает ту роль, которую играет в современной науке. Современная психология только более совершенно выражает мысль Ла Меттри, встречающуюся множество раз в его сочинениях, говоря, что уже первые проблески сознания проявляется в форме отличия страдания от удовольствия. Согласно нашему нынешнему учению об эволюции, страдание есть неутомимый часовой, предупреждающий нас о всякой опасности, угрожающей организму, а удовольствие сопровождает те состояния организма или же воздействия окружающей среды, которые благоприятствуют сохранению и развитию этого организма. „Страдания, как говорит Спенсер, суть коррелятивы действий вредных для организма, между тем как удовольствия — коррелятивы действий полезных для него“. Еще лучше эту мысль выразил Гюйо: „В ритме существования благополучие соответствует эволюции жизни, страдание — разложению“.

И то и другое совершенно самостоятельные состояния нервной системы. Каждое существует и играет свою роль в эволюции, совершенно независимо от другого. Связь между вредным, разрушительным и страданием и, с другой стороны, между удовольствием, чувством благосостояния и полезным для организма явилась лишь как результат действия естественного отбора. Виды, у которых губительные для организма влияния вызывали чувство удовольствия, а полезные, наоборот — страдание, сохраниться не могли. Чувство голода и жажды, как страдание, и чувство насыщенности, как удовольствие, являются одним из проявлений этого закона жизни. Половому влечению, необходимому для воспроизведения, естественный отбор придал такую привлекательность и удовлетворение его связал с таким удовольствием, что страдание деторождения утрачивает в перспективе свою остроту.

Таковы естественно-научные источники взглядов Ла Меттри в области морали, выраженные лишь в понятиях и терминах нашего времени. Но он пошел дальше. От индивидуальной эволюционной морали он переходит к общественной. Он пытается приложить этот закон жизни к явлениям более сложным, к человеческому обществу. Те же

самые потребности в социальной среде порождают понятия добродетелей и пороков, которые, следовательно, являются порождением, как он говорит, политики. Пустые призраки сами по себе, эти понятия становятся реальными по своей связи с общественной жизнью. Строение общества и его потребности определяют характер и ценность этих понятий. И исходя из этого, несомненно близкого диалектическому материализму, взгляда, он входит в детали, на которых останавливаться здесь мы не имеем возможности. Скажем только, что дальнейшим выражением приведенных нами взглядов является так называемый утилитаризм, который через Гельвеция, Бентама и Милля вдохновлял первых социалистов 19-го века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Такова в своих основных положениях философия Ла Меттри. Для своего времени она прогрессивна и революционна. Для нашего времени она поучительна. В ней мы в зародыше находим ряд мыслей и положений, которые, пройдя долгий путь развития, воплотились в философии и морали пролетариата, класса, принявшего идеологическое наследство революционной буржуазии 18-го века и превратившего его в могучее орудие борьбы и победы.

Политические и социальные взгляды Ла Меттри нами затронуты и этом кратком очерке не были. Самый ранний из материалистов просветительного периода, он меньше других философов 18-го века интересовался этими вопросами. С одной стороны, это можно объяснить его личной судьбой, приведшей его к подножию трона просвещенного прусского деспота, а с другой—тем, что общественное движение, завершившееся Великой революцией, в первой половине столетия еще не настолько сформировалось, чтобы искать себе оружие борьбы со старым режимом в оружии политической критики. Там и сям в сочинениях Ла Меттри мы наталкиваемся на отдельные высказывания либерального свойства, но до политического радикализма он нигде не доходит. Да и вообще, для философов 18-го века, как говорит Плеханов¹⁾, радикализм был психологической невоз-

можностью. „Народ“ представлял аморфную массу и был вне поля зрения образованных людей, из которых даже самые передовые мечтали о просвещенном монархе, о мудреце на троне, исцеляющем с помощью философов общество от всех его язв. А этих передовых образованных людей была ничтожная горсточка и никакой реальной силы они не представляли.

Значение Ла Меттри, как мы видели, в тех семенах научного мировоззрения, которые он кинул потомству, в его материализме, с корнем вырывавшем из психики все предрассудки и суеверия религии и заблуждения идеалистической философии, не менее вредные, чем религиозные. Он был просветителем в подлинном смысле слова и к тому же просветителем мужественным, заслуживающим нашего уважения. Пороки и недостатки его, о которых слишком много и слишком громко говорили филистеры от истории и философии, нам кажутся в перспективе слишком ничтожными, чтобы они могли повлиять на нашу оценку его, как писателя и как человека своего времени. Он был подлинным застрельщиком французского материализма и атеизма, и он должен войти в историю, как мученик за свои идеи, как борец за последовательно-материалистическое мировоззрение.

¹⁾ „Очерки по истории материализма“, стр. 39.